

**О НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОСТЯХ СИСТЕМЫ ВОКАЛИЗМА
И КОНСОНАНТИЗМА СРЕДНЕМОНГОЛЬСКОГО ЯЗЫКА:
К ПРОБЛЕМЕ УНАСЛЕДОВАННОГО И ПРИОБРЕТЕННОГО
(на материале словаря «Мукаддимат ал Адаб»)**

Н. Б. Бадгаев

Фонетические процессы, как явление динамическое по природе, чаще привлекали внимание исследователей-алтаистов в связи с постановкой проблемы не описательного, а сравнительно-исторического характера [Дыбо 1997; Бурлак, Старостин 2005]. Изучение звукового строя всегда считалось наиболее разработанной областью монголистики и, шире, алтаистики, в которой оттачивались методы сравнительно-исторических исследований [Владимирцов 1929; Порре 1955; 1960; Лувсанвандан 1977; Мудрак 1983; Starostin, Dybo, Mudrak 2002 и др.]. С развитием фонетики прямо связано и становление важнейших лингвистических гипотез в данной области, в частности гипотезы языкового родства и гипотезы регулярности звуковых изменений.

Однако в последнее время интерес к фонетической проблематике несколько утратился на фоне интенсивного развития исследований по семантике, лингвокогнитологии, лингвокультурологии и т. п. [Потапова, Потапов 2011]. Может создаться ложное впечатление, что многие проблемы уже решены или не имеют принципиального значения для интерпретации звукового строя монгольских языков. Однако литература вопроса свидетельствует об обратном. Сопоставительное изучение динамики фонетических явлений, связанных как со спонтанным развитием самого языка, так и с межъязыковым контактированием, остается одной из далеко не до конца решенных задач современной монголистики.

Бурное развитие в последнее время типологических исследований также требует совершенствования принципов описания фонетических систем монгольских языков и предъявляет особые требования к реалистичности, достоверности и адекватности таких описаний. Кроме того, новый материал, накопленный экспериментальной и исторической фонетикой монгольских язы-

ков, также нуждается в фонологической интерпретации [Бондарко 1981].

Изучение вокализма и консонантизма монгольских языков представляет значительный интерес при их сопоставительном изучении, целью которого является определение совокупности общих и различительных свойств, присущих этим языкам и составляющих специфику каждого из них в отдельности — калмыцкого, бурятского и монгольского.

Таким образом, разработка вопросов взаимовлияния языков на фонетическом уровне является одной из важнейших проблем современной монголистики и, шире, алтаистики, требующих всестороннего комплексного изучения. Актуальность заявленной темы определяется и задачей системного изучения фонетики, в частности вокализма и консонантизма, в русле сравнительной типологии, лингвистической географии и теории языковых контактов [Аванесов 1952; Жирмунский 1955; Хауген 1972; Биткеев 1984; Дыбо 1988; Селютина 2007 и др.].

Результаты уже проведенных исследований [Номинханов 1964; Санжеев 1970; Рассадин 1987 и др.] свидетельствуют об общности принципов структурной организации фонологических систем в тюркских и монгольских языках; отличия отмечаются в инвентарях фонем, их функциональной нагруженности и т. д. В основе расхождений фонемных систем в монгольских языках — разнокомпонентность общего субстрата, различный характер фонетических изменений, специфика разновременных и разноплановых контактов этносов — носителей того или иного языка.

В литературных языках фонетические изменения часто фиксируются не сразу в силу нормализованного характера словарей и грамматик [Аванесов 1974 и др.], поэтому в литературных монгольских языках, как, например, в современном калмыцком, часто

возникают противоречия между реальными случаям произношения и предписанными нормами.

Фонетические изменения бывают разного порядка [Шухардт 1950; Мартине 1960; Бодуэн де Куртенэ 1963; Хелимский 1986; Панов 1988; Хёнигсвальд 2002 и др.]. Как известно, общая тенденция исторических изменений в фонетике заключается в том, что фонетическая система языка может изменяться в двух направлениях под действием процессов конвергенции и дивергенции: в первом случае количество фонем сокращается, во втором — увеличивается. Наиболее изменчивы вариации отдельных фонем, менее изменчивы состав фонем в языке и их соотношения.

Одной из дискуссионных проблем является допустимость смешивания живых процессов звукового варьирования фонем в разных позициях, т. е. функционирования данного языка в данный период, и бывших живых процессов, застывших и перешедших в разряд чередований фонем [Бертагаев 1965; 1971; Пюрбеев 1971 и др.]. Анализ чередований фонем приводит к выводу о том, что все они, в том числе и те, которые традиционно рассматриваются как «живые» фонетические, в действительности являются «историческими», если использовать привычную терминологию; иначе говоря, чередования фонем могут быть только историческими. Живыми же, позиционно обусловленными, могут быть признаны только те чередования, которые регулярно воспроизводятся во внешнем сандхи, т. е. на стыках слов, но и они являются не чисто фонетическими, а морфологическими (фонотактическими). Типологию чередований фонем необходимо разрабатывать с морфологической точки зрения, но в ее основе не должно лежать их разделение на живые фонетические и исторические, разделение, неадекватно отражающее звуковой строй монгольских языков. Модификации фонем и чередования фонем разграничиваются с синхронической точки зрения. Соответственно пересмотра требует и соответствующая терминология.

Как писали в свое время Э. Р. Тенишев и Л. Д. Шагдаров, «монголоведам необходимо преодолеть имеющиеся в их работах недостатки, в частности, шире учитывать общие типологические процессы, наблюдаемые в разных языках, общую типологию

развития звуков, форм, шире применять разнообразные современные приемы и методы исследования» [Тенишев, Шагдаров 1988]. Этот тезис сохраняет свою актуальность и сегодня. Обобщение выявленных частных закономерностей исторических изменений звуковой стороны монгольских языков с учетом последних достижений и новейшей методики в данной области — первоочередная задача современной монголистики. При этом важно различать субъективные и объективные методы в фонетике [Щерба 1974].

Ввиду сложности развития языка вообще и фонетической структуры в частности в языке могут сосуществовать старые, отжившие, черты и новые, развивающиеся. Развитие языка идет не только по пути приобретений и изменений, но и сохранения искомого, унаследованного. Поэтому важно опираться на объективно описанные закономерности данного языка, учитывать данные экспериментальной фонетики и старописьменных памятников, показания живых диалектов.

Важным фактором развития звукового строя монгольских языков следует признать цепные реакции и заполнение пустых клеток. Существует, как известно, деление исторических звуковых законов на комбинаторные и спонтанные («самопроизвольные»). Выдвинуто немало различных предположений и теорий для объяснения особенностей и «первопричин» звуковых изменений в языках мира, в том числе монгольских [Стеблин-Каменский 1966; Биткеев 1968; 1970; 1984; Павлов 1969; Рассадин 1976; 1982; Бураев 1987; Дарбеева 1985; 1989; 1997; Будаев 1988а; 1988б и др.], в качестве которых фигурируют, помимо собственно языковых факторов, и экстралингвистические (влияние климатических условий, ландшафта, искажение произношения от поколения к поколению, изменение темпа речи, действие субстрата). Но здесь необходимо подходить очень осторожно, поскольку в области фонетики даже явно «чужое» может и не быть следствием субстрата.

Материалом для настоящей статьи послужили некоторые особенности вокалической и консонантной систем среднемонгольского языка, зафиксированные в тексте «Мукаддимат ал Адаб» (далее МА) [Поппе 1938].

Территориальное соседство монголов и арабговорящих этносов, их экономические и культурные связи, а также очень тесные

бытовые отношения неизбежно создавали благоприятные условия для языковых контактов. Изучение лексикона того времени может явиться лингвистическим подтверждением исторических сведений, касающихся заселения данного региона. В данной статье предпринимается попытка осмысления механизмов фонетических изменений, интерпретации явлений вокалического и консонантного характера. Введенный в научный оборот фактический материал послужит дальнейшей разработке вопросов исторической фонетики монгольских языков.

Данный памятник привлекал внимание небольшого круга исследователей: фонетико-морфологические особенности отмечены Н. Н. Поппе [1938], синтаксические — Г. Ц. Пюрбеевым [2005], интересные наблюдения в отношении некоторых фонетических, лексических и словообразовательных явлений МА сделаны И. А. Грунтовым [2005], Н. Б. Бадгаевым [2007а; 2007б; 2008 и др.] и др.

В качестве дополнительных источников исследования были использованы диалектные и этимологические словари, исследования по исторической и диалектной фонетике [Рассадин 1987; Убушаев 2006 и др.], этнографическая литература и т.д.

В анализируемом источнике отмечены слова типа *čiqin* ‘ухо’ (ср. *čiqindün* ‘в свои уши’ = письм. *čiqin-degen*) и *nis-* ‘летать’ (ср. *nisquba* ‘заставил летать’ = письм. *niske-*), свидетельствующие о смене рядности гласного. Как отмечает С. А. Крылов [2005], недавние исследования Я. О. Свантессона показали, что фонологическое противопоставление, которое в традиционной монголистике считается противопоставлением по ряду («задний vs. незадний» или, иначе, «мужской vs. женский»), в действительности артикуляторно и акустически не имеет отношения к ряду — по крайней мере, в современном состоянии монгольского языка (хотя раньше, может быть, действительно было противопоставлением по ряду).

Развития **u* > *i* и **ö* > *i* наблюдаются в словах *biši* ‘другой’ = письм. *busu*, письм. XIV ст. *busi*, квадрат. письм. *buši*, разг. *bišši*; *bile* ‘был’ = письм. *bölüge*, разг. *bile*, *bele* и т. п.; *bidün* ‘толстый’ = *bödügün*, разг. *biüdün*, ср. могольск. *beidün*.

Развитие **o* > *a* мы наблюдаем в *daramžilaba* ‘презирал’ = письм. *daramžila-*, которое является вероятно контаминированным из *dardmžila-* и *daru-* ‘угнетать’;

namayan = *namuyan* ‘смирный’ = письм. *namuqan*, сравните однако письм. *nam* ‘покой, тишина’, *namqara* ‘утихать’. Ср. еще *aqar* ‘короткий’ = письм. *aqur* = *oqor*, разгов. *aḡḡar* = *oḡḡor*.

В слове *müte* ‘словно, подобно’ наблюдается *ü* вместо более обычного в языке письменности *e*, являющегося, однако, более поздним; ср. письменный *metü*, но дагурское *mute*. Аналогичное развитие наблюдается в *gütülkü* ‘переправиться’, *gütülbe* ‘переправился’ = письм. *getül-*. Очевидно **e* > *ü* обязано влиянию губного согласного *m* в *mute* и следующего *ü* в *gütül-*.

Слово «земля» встречается в формах *šira'ü* = *širü* ‘земля’ = *široidu* ‘в земле’ = письм. *široi* ‘земля, пыль’. Форма *šira'ü* подтверждается данными старинных монгольских рукописей, где имеем *širaḡu* ‘земля, пыль’.

Метатеза **I* наблюдается в *hüilebe* = *hülebe* ‘дул’ = письм. *üliye-* ‘дуть’. На дифтонг оканчиваются некоторые слова из числа тех, которые обычно оканчиваются на краткий гласный, а именно: *tolui* ‘зеркало’ = письм. *toli*, *borbai* ‘ножное сухожилие’ = письм. *borbi*, *čamčai* ‘рубашка’ = *čamča*.

В слове *möri* ‘плечо’ (ср. *möri'ese* ‘с плеч’) произошел переход **ü* > *i*.

Особого внимания заслуживают в языке Мукаддима ал-Адаб часто наблюдающиеся случаи непосредственного соседства двух гласных, принадлежащих двум соседним слогам. Как известно, долгий гласный суффикса в настоящее время поглощает конечный краткий гласный основы, но если основа оканчивается на долгий гласный или дифтонг, между ними возникает «вставной» согласный, заполнитель *hiatus'a*. По большей части таким заполнителем *hiatus'a* является *γ* (= *g*). В языке же нашего памятника *hiatus* остается часто ничем не заполненным. Это естественно ввиду сохранения в нем таких сочетаний, как *a'u*, *u'a*, *e'ü* и т. д.: *čidaqu'ärän* «по мере возможности», *minä'är* «кнутом», *ere'ü'ese* «от греха» и т. д.

Часто наблюдается все же заполнитель *hiatus'a*, каковым является *y* после *i*, а после *u* (*ü*) — *w*, например, *tengriyese* ‘от тенгри’, *aiquwasa* ‘из страха’, *hildüwer* ‘мечом’ и т. д.

Монофтонгизация дифтонгов, т. е. фонетическое изменение, заключающееся в переходе дифтонгов в гласный в положении перед согласными и на конце слова, является одним из ключевых событий в хронологии калмыцкого языка, перестроившим

его фонологическую систему. На новейшей стадии языкового развития дифтонги развились в долгие гласные (обязательно исторические), например *ai > ä, *oi > ö и т. д.

Что же касается дифтонгизации [Andersen 1972], в языке словаря Мукаддимат ал-Адаб дифтонги сохраняются, и в этом отношении наблюдается то же, что в языке письменности: *čučaiži* 'сидя на задних лапах', *arbai* 'ячмень', *aiba* 'боялся', *dabirqai* 'смола', *oira* 'близко', *qoina* 'позади', *iržaiba* 'ощерил зубы', *süike* 'серьги', *düilebe* 'брил', *keibür* 'дротик', *nekei* 'овчина', *keisbe* 'дул' (о ветре), *kei* 'ветер', *hein* = *ein* 'эдак', *teyin* 'так', *buila* 'верблюжий повод', *küisün* 'пупок', *uilaba* 'плакал'.

В некоторых случаях дифтонги передаются, по общим правилам орфографии монгольской письменности, сочетаниями гласного + у + I, например, *tailaba* 'распустил', *sayin* 'хороший', *žayitba* 'связал узлом'.

Формам с дифтонгом языка письменности в ряде случаев соответствуют формы с кратким гласным, например *qaranqu* = *qaranquī* 'тьма' = письм. *qarangyui*; *qanču* = *qančun* 'рукав' (ср. *qančuni* 'рукава') = письм. *qanču* = *qančuī*; *murū* = *murin* = *mura* (?) 'кривой' = письм. *murui*. Как известно, дифтонг чередуется с гласным иногда и в языке письменности, например *malayai* = *malaya* 'шапка'.

В некоторых случаях мы наблюдаем соответствие дифтонга краткому гласному языка письменности, например *čamčai* 'рубашка' = письм. *čamča*; *tolui* 'зеркало' = письм. *toil*; *kömürkei* или *kömürgei* 'футляр' = письм. *kömürge* 'кладовая'.

Как сказано выше, особенностью языка словаря Мукаддимат ал-Адаб, является наличие дифтонга *ai* в положении после *o* первого слога, например, *qolaidu* 'в горле', *doraitulqu* 'расслабляющий', *noqai* 'собака' и т. д., что представляет собою черту, присущую речи западных монголов.

Особое развитие *üi* > I наблюдается в *bi* 'есть' = письм. *bui*, на новой стадии *bī*. Перед гласным суффикса конечный дифтонг основы сокращается, например *dabirqayi* < **dabirqaiyi* 'смола'.

Как верно отметил А. А. Бурыкин [2009], монгольские языки, в особенности среднемонгольский и письменный монгольский, в отношении системы согласных и в отношении фонетической структуры слова отражают архаическое состояние наилучшим образом. Единственной значимой инновацией в

них является утрата анлаутного **ph*-, сохраняющегося в среднемонгольском *h*-.

Для языка XIII–XIV вв. как для разговорного, так и для базирующегося на одном из наречий того времени языка квадратной письменности, является характерным наличие в анлауте многих слов, начинающихся в языке монгольской письменности, использующей уйгурскую графику, на гласный, спиранта *h*. Об этом спиранте нам теперь известно довольно много, и есть памятники, в которых засвидетельствованы такие слова.

Труды по разговорной речи монголов XIII–XIV вв., принадлежащие арабским авторам, в том числе по рождению не арабам, сплошь содержат материал, характеризующийся наличием в начале слова *h*. Таковы анонимный Лейденский глоссарий 1245 г., труд Ибн Муханны начала XIV столетия, глоссарий Хамдаллаха Казвини 1339 г. Формы с начальным *h* в изобилии приводятся также в труде Рашид-ад-дина Джами ат-теварих 1310–1311 гг. Наконец, их много также в словаре Мукаддимат ал-Адаб. Такие же слова содержатся в глоссариях не арабских ученых, например, у армянского ученого Киракоса и в многочисленных трудах китайских ученых, как например, в словаре Хуа-и-и-юй минской эпохи. Множество слов с начальным *h* встречается в монгольском тексте «Сокровенного сказания».

На новейшей стадии языкового развития этот *h* уже не наблюдается и сохранился лишь в языках, относящихся стадияльно к упомянутым памятникам.

По вопросу о начальном *h* существует в настоящее время довольно большая литература. Не вдаваясь в подробности, укажем лишь, что впервые вопрос об этом спиранте в начале слова подвергся исследованию со стороны Г. И. Рамstedта, показавшего, что *h* развился из **f* (**ф*) или **p* (Ein anlautender stimmloser Labial, s.10), что впоследствии получило подтверждение со стороны материалов, собранных А. Мостэром, обнаружившим в монгольском сохранение в известных положениях этого *f*.

Говоря о качестве спиранта, условно передаваемого в транскрипции знаком *h*, следует заметить, что в трудах арабских ученых он передается всегда знаком арабского алфавита *هـ*, например *هـربن* *harban* 'десять'. Однако там, где спирант сохранился в настоящее время, он является заднеязычным, т. е. *χ*. Возможно, что в произношении его произошли известные сдвиги, но возможно,

что кое-где он и раньше так произносился, хотя это маловероятно, так как в арабском алфавите имеется для χ знак $\dot{\chi}$, точно так же, как в квадратном алфавите для χ тоже имеется особый знак.

Ситуация в МА скорее всего отражает самое начало процесса падения начального *h. Этот памятник уникален тем, что в нем наблюдается весьма значительное количество случаев, в которых, с одной стороны, имеется начальный h- в словах с прамонгольским анлаутом на гласный (по данным остальных средневековых памятников и/или южномонгольских языков), с другой — наблюдаются колебания h-/0- в тех словах, в которых исторически был h-, и наконец присутствуют слова, полностью утратившие прамонгольский *h-.

Н. Поппе в первой части словаря предлагает объяснять подобные колебания следующим образом: «...возможно, что это объясняется диалектическими различиями или тем, что формы с h- представляют собою разговорные формы XIII–XIV вв., а формы без h- отчасти принадлежат языку тогдашней письменности, который... представлен в словаре Мукаддима ал-Адаб довольно сильно» [Поппе 1938].

В настоящей статье делается попытка показать, что этот процесс не был случаен, а отражает действительные тенденции языка этого памятника и обусловлен фонетически.

Приведем примеры, отражающие начальный прамонгольский *h- в МА в сравнении с формами других средневековых памятников, а также с соответствующими формами монгольских языков, сохраняющих рефлекс *h- (дунсянского, баоаньского, дагурского, монгорского и шираюгурского): *heber* ‘рог’, *hüilekü* ‘дуть’, *hirär* ‘основа’, *hümeri* ‘мрачный’, *hümeribe* ‘нахмурил лицо, сморщился’, *huyasa* ‘повязка’ (*huya-* ‘привязать’), *hirtünčin* ‘мира’, *horanqai* ‘закрученный’, *horaba* ‘вертелся’ (*horga* ‘окружить’), *hü'üksen* ‘сгнивший’ (*hüsün* ‘гной’), *hürgübe* ‘стал дик’ (о коне), *hünegen* ‘лиса’ (*hünegen*), *hümekei* ‘вонючий’ (*hümegei*), *hüzebe* ‘смотрел’, *hüdeši* ‘вечером’, *höli* ‘мотыга’, *huryuba* ‘взошло солнце’, *huilaba* ‘плакал’, *huila'ulba* ‘довел до плача’, *hudaba* ‘заставил опоздать’, *hö'ölžin* ‘удод’ (в названии одного месяца), *horhuba* ‘сбежал’, *honi* ‘зарубка на стреле’, *hirgenü* ‘народа’, *hirer* ‘награда’, *hilebe* ‘послал’, *hanisba* ‘моргал’, *hüngübe* ‘тер’ (письм. *ünggü-* ‘гладить землю’), *hiža'urtu* ‘к концу’, *hamisqu* ‘дыхание’,

hildü ‘меч’, *hünir* ‘благовония’, *haran* «человек», *hulani* ‘подводу’, *hündüsün* ‘корень’, *honu* ‘года’ (*hon* ‘год’), *ha'ur* ‘гнев’, *hergibe* ‘вертелся’ (*hergi-* ‘вертеться’), *hergi'ür* ‘колодезное колесо’ (см. предыдущее), *hüčükendü* ‘малому’, *hülebe* ‘прибавился’ (*hüle-* ‘остаться в излишке’), *hulaiba* ‘покраснел’ (*hula'an* ‘красный’), *haryal* ‘аргал’, *ha'ulqudu* ‘когда мчался’ (*ha'ul-* «мчаться на коне»), *höngere'ülbe* = *öngere'ülbe* ‘провел’, *hödün* ‘оперение стрелы’, *hurbaqsan* ‘повернувшийся’ (*hurba-* ‘вернуться’), *hibebe* ‘оказал покровительство’, *huni quri'an* ‘вдыхая’ (*hüni* ‘дым’), *herbekei* ‘бабочка’, *ha'urin* ‘могилы’ = *hu'ur* ‘могила’ (письм. *ayurqai* ‘яма’), *hein* ‘эдак’.

Очень интересное развитие в начале слова h в s наблюдается в *sisügei* = *sisegei* ‘войлок’ (ср. могольское *sisgei*, монгор. *Sae*). Здесь развитие h > s произошло, очевидно, через *y и *š или s'.

Как видно, словарь Мукаддима ал-Адаб содержит значительное количество слов, начинающихся на h, из которых здесь приведены нами лишь наиболее интересные. Но наряду с этим мы наблюдаем также наличие многочисленных слов с утратой этого h из числа таких, которые в других памятниках, современных нашему, начинаются на h. Имеется также ряд слов, даваемых то с h, то без него. Возможно, это объясняется диалектическими различиями или тем, что формы с h представляют собою разговорные формы того времени, а формы без h отчасти принадлежат языку письменности, который представлен в словаре Мукаддима ал-Адаб.

Примеры слов без h и с h = 0: *hečebe* = *ečebe* ‘устал’ (Лейденский глоссарий *hečebe*), *urbaba* = *hurbaba* ‘вернулся’, *öndür* = *höndür* ‘высокий’, *uža'urtu* ‘имеющий происхождение’ = *hiža'ur* ‘конец’ = *užur* ‘начало’, *uyaqu* ‘связывающий’ = *huyasar* ‘повязка’, *ulan* = *hulan* ‘красный’, *eligen* ‘печень’ (ср. *numuni eligen* ‘внутренняя поверхность лука’, ср. Лейденский словарь *helegen* ‘печень’), *uγuba* = *huryuba* ‘взошло’ (солнце), *irgen* = *hirgen* ‘народ’, *ünegen* ‘лиса’, *uta* ‘мешок’, *alaqani'ar* ‘ладонью’ (Лейденский глоссарий *halaqa* «ладонь»), *uru* = *huru* ‘вниз’, *utasun* ‘нитка’, *ümeribe* = *hümeribe* ‘нахмурился’, *ičesün* ‘ива’, *ečekesen* = *hečekesen* ‘перерезанный’ (Лейденский глоссарий *hečebe* ‘перерезал’), *oryqsani* ‘беглеца’ = *horyuba* ‘сбежал’, *oqar* ‘короткий’ (Лейденский глоссарий *hoqar*).

В заключение следует указать, что в двух словах наблюдается совершенно необычное соответствие *h* спиранту *s*: *hulatqaba* 'опустел' (письм. *suladqa*- 'ослабить, освободить' и *herenglebe* 'имел подозрение' (письм. *serengle*- 'быть подозрительным, осторожным'). Объясняется это соответствие опиской переписчика.

В области заднеязычных согласных обращают на себя внимание несколько особенностей. Прежде всего, следует указать, что заднеязычным языка письменности *q* и *k* в словаре Мукаддимат ал-Адаб соответствуют смычные *q* и *k*. Как известно, на новейшей стадии языкового развития на месте *q* и *k* по большей части наблюдается лишь спирант *χ*, например *χara* 'черный' < **qara*, *χen* 'кто' < **ken*. Из этих двух согласных *k*, то есть менее глубокий или задний, обнаруживает большую стойкость, нежели *q*, ибо кое-где он сохранился, как например, в западной группе.

В языке словаря Мукаддимат ал-Адаб мы имеем всегда *q* и *k*. Но некоторые слова все же и в нашем памятнике даются с *χ*, а не с *q*, например *χurun* = *qurun* «палец», *χantu* 'имеющий хана', *χatundu* 'женщине', *χurχiraba* 'храпел' и так далее. Это обстоятельство указывает несомненно на то, что *q* и *χ* как отдельные фонемы уже не различались в XIII–XIV вв. и могли развиваться как варианты одной фонемы.

Различали ли монголы того времени *h* в арабских словах и произносили ли они его так, как произносят его литературнообразованные арабы, сказать, конечно, трудно. В транскрипции мы его, конечно, различаем и обозначаем знаком *h*.

Одной из особенностей языка нашего памятника, как впрочем, и других хронологически близких памятников, является наличие *q* и *γ* в положении перед *l*.

Помимо внутриязыковых причин изменений фонетической системы монгольского языка, нельзя не признавать и внеязыковые. Но связь звуковых изменений с внеязыковыми факторами не может пониматься упрощенно. Эти факторы могут только способствовать или препятствовать развитию того или иного звукового изменения, но не могут быть его основной причиной. Исследование показывает, что, несмотря на длительные контакты монгольского языка с иноязычными системами, каких-то значительных и притом взаимных влияний на изменение языка не обнаруживается. Более того, систе-

ма языка обнаруживает поразительную стабильность именно в условиях иноязычного окружения, которое как бы консервирует язык на определенном синхронном уровне, прекращая его развитие в определенной точке разворачивания системных тенденций. Экстралингвистические факторы могут ускорить или же, наоборот, замедлить действие внутренних процессов в языковой системе.

Литература

- Аванесов Р. И. Лингвистическая география и история русского языка // Вопросы языкознания. 1952. № 6. С. 25–47.
- Аванесов Р. И. Русская литературная и диалектная фонетика. М.: Просвещение, 1974. 287 с.
- Бадгаев Н. Б. Лексика материальной культуры в монгольских и тюркских языках (на материале словаря «Мукаддимат ал-Адаб») // XXXVIII Конгресс востоковедов (г. Анкара, 10–15 сент. 2007 г.) Анкара, 2007. С. 46–47.
- Бадгаев Н. Б. Фонетические особенности названий животных в Мукаддимат ал-Адаб // Русский язык в полиэтнической среде: проблемы и перспективы: мат-лы Междунар. науч. конф. (г. Элиста, 29–30 нояб. 2007 г.). Элиста: Изд-во КГУ, 2007. С. 24–25.
- Бадгаев Н. Б. Об актуальности изучения фонетики и лексики Монгольского словаря Мукаддимат ал-Адаб // Этнокультурная концептология и современные направления лингвистики. Вып. 2. Элиста, 2008. С. 155–157.
- Биткеев П. Ц. Фонетические причины сингармонической трансформации слов в монгольских языках // Известия СО РАН СССР. 1968. № 11. С. 123–129.
- Биткеев П. Ц. Количественные и качественные изменения гласных непервых слогов в калмыцком языке // Проблемы этногенеза народов Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск, 1973. С. 171–173.
- Биткеев П. Ц. Сравнительная типология вокализма в монгольских языках // Олон улсын монголч эрдэмтний IV их хурал. Т. 2. Улаанбаатар, 1984. С. 198–206.
- Бертагаев Т. А. Чередование фонем и сингармонизм в агглютинативных языках // Морфологическая типология и проблема классификации языков. М.; Л., 1965. С. 131–140.
- Бертагаев Т. А. Количественные чередования гласных и аблаут в монгольских языках // Вопросы языкознания. 1971. № 6. С. 116–121.
- Бодуэн де Куртенэ И. А. Опыт теории фонетических альтернатив // Бо-дуэн де Куртенэ И. А. Избранные работы по общему языкознанию. Т. 1. М., 1963. С. 265–347.
- Бондарко Л. В. Фонетическое описание языка и фонологическое описание речи. Л., 1981. 199 с.
- Будаев Ц. Б. Изменения в вокализме монгольских языков и их причины // Тюркология-88. Тез. докл. и сообщ. V Всесоюз. тюркол. конф. Фрунзе, 1988. С. 127–128.
- Будаев Ц. Б. Особенности исторического развития консонантизма монгольских языков // Вопросы советской тюркологии: мат-лы IV Всесоюз. тюркол. конф. Ч. 1. Ашхабад, 1988. С. 131–136.

- Бурлак С. А., Старостин С. А. Сравнительно-историческое языкознание. М.: Академия, 2005. 432 с.
- Бурякин А. А. Идеи С. А. Старостина и дальнейшие перспективы алтаистики // Аспекты компаративистики. Т. 4 (Orientalia et Classica: Труды Института восточных культур и античности. Вып. XXVIII). М., 2009. С. 9–24.
- Владимирцов Б. Я. Сравнительная грамматика монгольского письменного языка и халхаского наречия. Введение и фонетика. Л.: Изд-во Ленинград. Вост. ин-та, 1929. 436 с.
- Грунтов И. А. Развитие прамонгольского гортанного спиранта *h- в начальной позиции в языке памятника монгольского языка XIV века словаря Мукаддимат ал-адаб // Аспекты компаративистики. Т. 1. М., 2005. С. 37–48.
- Дарбеева А. А. Особенности развития вокализма в литературно-письменных и бесписьменных монгольских языках // Вопросы советской тюркологии: тез. докл. и сообщ. Ашхабад, 1985. С. 177–179.
- Дарбеева А. А. Специфика фонетической эволюции гласных в монгольских языках // Владимирцовские чтения. 2-я Всесоюзная конференция монголоведов: тез. докл. и сообщ. М., 1989. С. 88–90.
- Дарбеева А. А. Историко-сопоставительные исследования по грамматике монгольских языков. Фонетика. М., 1997. 170 с.
- Дыбо А. В. Применение лингвогеографического анализа в этимологии // Синхрония и диахрония в лингвистических исследованиях. Ч. 1. М., 1988. С. 25–38.
- Дыбо А. В. Место сравнительно-исторического языкознания среди исторических наук // Размышления о современной педагогике: Материалы семинара. М., 1997. С. 79–98.
- Жирмунский В. М. О некоторых проблемах лингвистической географии // Вопросы языкознания. 1955. № 4. С. 10–12.
- Лувсанвандан Ш. К проблеме долгих гласных среднемонгольского языка // Олон улсын монголч эрдэмтний III их хурал. Т. 2. Улаанбаатар, 1977. С. 108–112.
- Мартине А. Принцип экономии в фонетических изменениях. М., 1960. 285 с.
- Мудрак О. А. Реконструкция прамонгольской системы гласных. Дипломная работа. М., 1983. 134 с.
- Номинханов Ц.-Д. К вопросу об общих законах развития долгих гласных в тюркских и монгольских языках // Записки КНИИЯЛИ. Вып. 3. Сер. филологическая. Элиста: Калмгосиздат, 1964. С. 69–91.
- Павлов Д. А. Некоторые вопросы развития фонетики калмыцкого языка по «Тодо бичиг» // Ученые записки. Вып. 7. Сер. филологическая. Элиста, 1969. С. 239–259.
- Панов М. В. О причинах фонетических изменений // Влияние социальных факторов на функционирование и развитие языка. М., 1988. С. 41–55.
- Попте Н. Н. Монгольский словарь 'Мукаддимат ал-адаб'. В 2-х частях. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1938. 452 с.
- Потапова Р. К., Потапов В. В. Итоги и перспективы развития фонетико-фонологических изысканий в конце XX в. // Лингвистические исследования в конце XX в. М., 2001. С. 136–156.
- Пюрбеев Г. Ц. Функциональное чередование звуков в монгольских языках // Вопросы языкознания. 1971. № 3. С. 89–93.
- Пюрбеев Г. Ц. О синтаксических особенностях «Монгольского словаря Мукаддимат ал-Адаб» // К 100-летию со дня рождения Т. А. Бертагаева. Сб. науч. ст. Элиста: КИГИ РАН, 2005. С. 165–169.
- Рассадин В. И. История развития отдельных фонетических явлений бурятского языка / Лингвистические исследования. Ч. 2. М., 1987. С. 127–134.
- Рассадин В. И. Очерки по исторической фонетике бурятского языка. М.: Наука, 1982. 199 с.
- Рассадин В. И. О некоторых реликтовых явлениях тюрко-монгольских языковых союзов / IV Междунар. конгресс монголоведов. Докл. сов. делегации. М., 1976. С. 160–176.
- Селютин И. Я. Фонетические процессы в языках народов Сибири как результат языковых взаимодействий // Аспекты алтайского языкознания (Материалы Тенишевских чтений–2007). М., 2007. С. 167–179.
- Стеблин-Каменский М. И. К теории звуковых изменений // Вопросы языкознания. 1966. № 2. С. 66–79.
- Убушаев Н. Н. О возникновении долгих гласных в монгольских языках // Лингвогеография, диалектология и история языка. Кишинев, 1973. С. 232–238.
- Убушаев Н. Н. Диалектная система калмыцкого языка / отв. ред. Э. У. Омакаева. Элиста: ЗАОР «НПП «Джангар», 2006. 255 с.
- Хауген Э. Языковой контакт // Новое в лингвистике. Вып. VI. Языковые контакты. М.: Прогресс, 1972. С. 61–80.
- Хелимский Е. А. О двух фонетических законах в алтайских языках // Историко-культурные контакты народов алтайской языковой общности. Тез. докл. XXIX сессии постоянной международной алтаистической конференции (PIAC), Ташкент, сентябрь 1986. П. Лингвистика. М., 1986. С. 121–124.
- Хёнигсвальд Г. Существуют ли универсалии языковых изменений? // Зарубежная лингвистика. Вып. 2. М.: Прогресс, 2002. С. 132–159.
- Шухардт Г. О фонетических законах // Шухардт Г. Избранные статьи по языкознанию / пер. с нем. М.: Изд-во иностранной литературы, 1950. С. 23–55.
- Щерба Л. В. Субъективный и объективный метод в фонетике // Щерба Л. В. Языковая система и речевая деятельность. Л.: Наука, 1974. С. 135–151.
- Andersen H. Diphthongization // Language. Vol. 48. 1972. N. 1. P. 11–50.
- Poppe N. Introduction to Mongolian Comparative Studies. Helsinki, 1955. 300 p.
- Poppe N. Vergleichende Grammatik der Altaischen Sprachen. Wiesbaden, 1960. 256 p.
- Starostin S.A., Dybo A.V., Mudrak O.A. An Etimological dictionary of Altaic Languages. Vol. 1–3. Leiden: Brill, 2003. 2 096 p.